

О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг.

© 2012

В. Портяков

Экономические успехи КНР побудили ее активнее, чем прежде, претендовать на формирование правил игры на мировой арене. Внешняя политика Китая в 2009–2010 гг., особенно в Азии, приобрела весьма напористый характер. Это дало повод США, объявившим о «возвращении в Азию», усилить противодействие растущему влиянию КНР в регионе.

Такой разворот событий грозил серьезным ухудшением внешних условий развития страны. В связи с этим с конца 2010 г. в ее внешнюю политику вносятся определенные коррективы, призванные смягчить сложности взаимной адаптации усилившегося Китая и меняющегося мира.

Ключевые слова: Китай, современная внешняя политика, Азия, напористость, коррективы.

В последние годы внешнеполитический курс Китайской Народной Республики, сохранив такие долговременные базовые характеристики, как независимость, самостоятельность, декларируемая ориентация на обеспечение благоприятных условий для мирного развития страны, претерпел, тем не менее, ряд заметных изменений.

Выявление и осмысление существа этих изменений, их причин и последствий активно идет в настоящее время в самом Китае, на Западе и в России, нередко порождая широкий разброс мнений. Некоторые новации Пекина были в целом позитивно встречены международным сообществом, например, самоидентификация Китая как ответственной державы. Другие новации, при всей их потенциальной важности, не вызвали особого резонанса, как это случилось с широко обсуждавшейся в экспертных кругах КНР идеей перемещения внешнеполитической опоры страны с развивающихся государств в целом на так называемые «новоподнимающиеся державы» («синьсин да-го»), представленные в первую очередь форматом БРИКС (Бразилия — Россия — Индия — Китай — ЮАР).

В то же время усиление напористости Китая в практических действиях на международной арене, особенно при отстаивании своих интересов, привлекло повышенное внимание, в первую очередь на Западе, и послужило основанием для вывода, что Пекин «становится менее скрытным и выжидающим» и что его «дипломатия улыбок закончилась»¹.

К концу 2010 г. мнение о том, что «Китай ведет себя все более жестко и негостеприимно по отношению ко многим соседям в Азии, к США и ЕС»², стало преобладающим в США и достаточно популярным во многих других странах мира³. В этой ситуации Пекин существенно усилил пропаганду сугубо мирного характера своего возвышения и

неизменности политики добрососедства, не отказавшись, однако, от претензий на большую, чем в докризисный период, роль на мировой арене.

Рассмотрим эволюцию внешнеполитического курса КНР в 2009–2011 гг. более подробно.

Первопричиной подвижек во внешней политике Китая явился рост его абсолютной и относительной экономической мощи, особенно рельефно выявившийся в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Еще в докризисный период Китаю удалось заметно сократить отставание от ведущих экономик мира. Если в 2002 г. ВВП КНР составлял 13,9% от американского и 37% от японского (при пересчете в доллары по текущему курсу), то в 2008 г. это соотношение выросло, соответственно, до 27,2% и 78,6%. Доля страны в мировой продукции перерабатывающих отраслей с 5,1% в 1995 г. выросла до 11,4% в 2007 г.⁴. В период кризиса и первые посткризисные годы Китай сохранил высокие темпы экономического роста (9,2% в 2009 г.; 10,4% в 2010 г. и 9,2% в 2011 г.) и хорошую динамику развития внешней торговли (за исключением 2009 г.). Это позволило ему опередить Японию и выйти в 2010 г. на второе место в мире по годовому объему ВВП, также на второе место, опередив Германию, — по объему внешнеторгового товарооборота и импорта и на первое — по объему экспорта. Поскольку темпы экономического роста США оказались существенно ниже, чем у КНР, их отрыв от Китая по годовому объему ВВП вновь существенно сократился. Появились прогнозы, согласно которым экономики двух стран количественно сравняются в 2018 г.⁵ При этом по доле в мировой переработке Китай опередил США уже в 2010 г. (соответственно 19,8 и 19,4%)⁶.

Преобразование Китая в настоящую мировую фабрику не только обеспечило ему высокие темпы роста, но и предопределило нарастание зависимости экономики страны от нормального функционирования мирового хозяйства, будь то обеспечение импорта возрастающих объемов нефти, железной руды, высокотехнологичных компонентов для промышленной сборки широкой гаммы машиностроительной и электронной продукции или поддержание устойчивого крупномасштабного экспорта готовых изделий по всему миру.

Мировой финансово-экономический кризис с характерным для него заметным ростом протекционизма поставил Китай перед необходимостью твердо и последовательно отстаивать свои интересы в мировой экономике.

В связи с этим в стране заговорили о развитии глубоководного военно-морского флота (включая обретение собственного авианосца), способного защитить наиболее важные маршруты транспортировки грузов.

В экспертном сообществе КНР было сформулировано понятие «интересы развития», де-факто выводящее всю конструкцию параметров и факторов функционирования современной китайской экономики за узкие для нее пределы национальных границ.

Ускорилося осмысление общей концепции государственных интересов Китая. В июле 2009 г. в ходе китайско-американского стратегического и экономического диалога член Госсовета КНР Дай Бинго впервые на официальном уровне сформулировал «коренные интересы Китая»: защита основного строя и безопасности государства; государственный суверенитет и территориальная целостность; устойчивое стабильное социально-экономическое развитие. Представитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции 13 июля 2009 г. в обобщенном виде определил коренные интересы Китая как государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность и обеспечение интересов развития⁷.

Уже сама по себе всеохватывающая формулировка коренных интересов КНР недвусмысленно свидетельствовала о ее трансформации из регионального в глобального международного игрока. Новый глобальный статус Китая объективно подкреплялся от-

носителем успешным прохождением им мирового экономического кризиса и увеличением вклада страны в мировой экономический рост⁸.

Переход страны в новое качество все более полно начало осознавать и ее руководство. С одной стороны, мировое сообщество стало настойчиво требовать активного включения Китая в решение таких глобальных проблем, как борьба с изменениями климата. С другой стороны, присутствие Китая как экономического тяжеловеса на многочисленных саммитах с антикризисной повесткой дня, прежде всего на встречах лидеров «двадцатки», едва ли не впервые дало Пекину возможность практического участия в так называемом «глобальном управлении» и показало, что он отныне может реально влиять на формулирование «правил игры» на мировой арене в целом. Дополнительную уверенность в своих силах Китаю придало успешное проведение летней Олимпиады в 2008 г. в Пекине и Всемирной выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

Симптоматично, что именно «уверенность в себе, присущую великой державе», некоторые китайские эксперты ставят на первое место среди новых особенностей внешней политики КНР в послеолимпийский период. Как подчеркивает проректор Академии международных отношений Народного университета Китая профессор Чэнь Юэ, «Китай начал еще более хладнокровно, с достоинством оглашать свои стратегические представления и цели, не стремясь отныне уклониться от выражения собственных чаяний или затушевать их, а также не проявляя чрезмерной обеспокоенности реакцией внешнего мира»⁹.

Первой удачной заявкой КНР на более активную роль в мировых делах стало улучшение ее позиций в ведущих международных валютно-финансовых организациях. Доля голосов Китая во Всемирном банке была увеличена с 2,47% до 4,42%, а в Международном валютном фонде — с 3,65% до 6,07%. В обоих случаях Китай поднялся на третью позицию, уступая ныне лишь США и Японии¹⁰. Еще одним знаковым свидетельством возросшей активности Пекина явилась постановка им в мировую финансово-экономическую повестку дня вопроса об интернационализации юаня и его выходе в обозримой перспективе на роль одной из мировых резервных валют. Хотя данная идея пока реализуется преимущественно в форме растущего использования юаня в расчетах КНР со своими торговыми партнерами, тем не менее, она вызвала широкий резонанс и подкрепила претензии КНР на весомое участие в управлении мировым хозяйством. Стремясь закрепить свой статус как ответственной глобальной державы, Китай увеличил долю взноса в постоянный бюджет ООН с 2,667% в 2009 г. до 3,189% в 2010 г. и долю взноса на миротворческие операции с 3,144% до 3,939% (в сумме — до 300 млн долл.). Кроме того, с конца 2008 г. Китай неоднократно направлял военные суда к берегам Сомали для участия в патрулировании района действий морских пиратов, обеспечив безопасное прохождение акватории для трех тысяч судов¹¹.

В то же время далеко не на всех направлениях Китай располагал достаточно внятной программой дальнейших действий. Переход в лигу «богатых и сильных» произошел слишком быстро даже для самой КНР, не говоря уже об остальном мире. Возникла потребность в определенном обновлении самоидентификации страны, переосмыслении места Китая в мире и стратегии его отношений с теми или иными группами государств. Эти обстоятельства обусловили заметное присутствие во внешней политике Китая 2009–2010 гг. элементов поискового характера, отчасти объясняемое также необходимостью оперативно реагировать на динамичные изменения международной обстановки в целом и на конкретные инциденты и действия, непосредственно затрагивающие Китай.

В частности, обратило на себя внимание предложение шанхайского политолога Ян Цземьяня сделать главной опорой Китая в продвижении к статусу глобальной державы группу «новоподнимающихся государств» — на тот момент БРИК, — а не все развивающиеся страны в целом, как прежде. Ян Цземьянь полагал, что эта группа,

оформление которой сделало международную обстановку более сбалансированной, могла бы служить Китаю стратегической опорой во многих аспектах, в том числе в политике, экономике и энергетике, в реформе международной валютно-финансовой системы и в формировании международного механизма противодействия нетрадиционным угрозам безопасности¹². В прямом виде данная идея (возникшая, на наш взгляд, как альтернатива предложению ряда американских политологов о формировании «большой двойки» в составе КНР и США) поддержки не получила. Возобладало официальное мнение, что Китай еще в течение длительного времени будет входить в круг развивающихся стран, пусть в качестве крупнейшей из них¹³. Вместе с тем, в китайском экспертном сообществе закрепились идея отказа от унифицированного подхода к данной группе стран и перехода к более адресной, точной, дифференцированной политике, учитывающей особенности каждой из них. Как полагает профессор Пекинского университета Е Цзычэн, именно такой новый подход в наибольшей мере отвечает интересам Китая и позволяет превратить отношения с развивающимися государствами в активный элемент его внешнеполитической стратегии¹⁴.

Важным фактором, заметно повлиявшим на особенности внешнеполитического курса КНР последних лет, стал рост **национализма** в стране, сопутствовавший успехам Китая и укреплению его позиций в мире.

На практике четко разграничить естественные чувства патриотизма, гордости за свою страну и национализм довольно трудно. Возможно, именно поэтому у ряда политологов КНР есть формальные основания представить китайский национализм последних лет как рациональный, то есть «открытый, мягкий,...не направленный на сдерживание других государств, мирный, а не гегемонистский»¹⁵. На наш взгляд, однако, такая характеристика явно идеализирует реальный национализм в сегодняшнем Китае.

Во-первых, спектр его носителей весьма широк и включает приверженцев достаточно радикальных взглядов — от «леваков» до части военных¹⁶.

Во-вторых, их влияние на общество, незначительное еще 10 лет назад, существенно выросло с массовым распространением Интернета. К примеру, книги приверженца национализма Ван Сяодуна стояли на полках китайских книжных магазинов еще в 2000–2001 гг., но тогда его мало кто знал, зато теперь, благодаря публикациям в сети, он известен всему Китаю и даже за рубежом¹⁷. Соответственно, круги, принимающие решения, сегодня не могут игнорировать националистические воззрения в обществе и вынуждены так или иначе принимать их во внимание¹⁸.

В-третьих, как ни парадоксально на первый взгляд, питательной средой сегодняшнего китайского национализма выступают, среди прочего, и сами официальные прогнозы и ориентиры дальнейшего укрепления мощи Китая и его позиций в мире.

В этом плане показательно сопоставление двух недавних работ китайских авторов — «У Китая нет другого выбора, кроме...» Юань Куня¹⁹ и «Китай в 2030 году — продвигаясь к всеобщей зажиточности», подготовленный группой специалистов Университета Цинхуа во главе с известным ученым Ху Аньганом²⁰.

Первая работа написана с националистических и даже мессианских позиций и ставит своей целью доказать, что Китай уже заложил основы для превращения в «первоклассную державу» и непременно сможет стать сверхдержавой, «несущей с Востока цивилизацию и процветание». Единственное, чего Китаю не хватает для превращения в ведущее государство мира — это лишь уверенности и смелости. Юань Кунь широко использует броские метафоры и сравнения, призванные подкрепить его главную идею. Показательны названия разделов его работы: «Если Китай чихнет, то весь мир заболит гриппом», «Если однажды Китай наложит санкции на Америку...», «Продажа американских облигаций — новое ядерное оружие Китая» и т.п.

Близкие к официальному мейнстриму ученые Университета Цинхуа не прибегают к бахвальству, однако, их базовый прогноз — сосредоточение в 2030 г. в Китае трети

мирового валового продукта с опережением США по этому показателю в 2,2 раза — так же, как и работа Юань Куня, фактически ориентирует развитие страны на достижение сверхдержавного статуса.

Возникает устойчивое ощущение, что авторы долгосрочных прогнозов словно не замечают присутствия на планете других стран, игнорируют наличие у них собственных интересов и целей, отличных от китайских, ставя во главу угла только свое «право на развитие». В данном контексте по-своему закономерно, что, начиная с 2009 г., Китай стал нередко оцениваться за Западе как «нация, узко ориентированная на собственные интересы и стремящаяся к максимизации своей комплексной мощи»²¹. На наш взгляд, такая характеристика несколько чрезмерна, однако нельзя не признать, что усиление националистических настроений в китайском обществе способствовало определенному ужесточению внешнеполитического инструментария Китая в 2009–2010 гг. На местном уровне готовность к решительному отпору оппонентам по собственной инициативе, без каких-либо директив центральных властей стала в тот период достаточно массовым явлением.

В обществе крепло убеждение, что Китай перерос ограничительные рамки внешнеполитических заветов Дэн Сяопина двадцатилетней давности и что ему следует перестать «скрывать свои возможности» и перейти к самым активным действиям на международной арене, особенно при защите собственных интересов.

Во многом именно в таком ключе оказалось выдержано **поведение Китая в ряде** получивших заметный международный резонанс **конфликтных ситуаций 2009–2010 гг.**

«Точкой отсчета» здесь стал август 2008 г. Он ознаменовался двумя примечательными событиями. Во-первых, это успехи Китая на летних Олимпийских играх в Пекине, которые существенно повысили самооценку страны. Во-вторых, российско-грузинские боевые действия, последовавшие за попыткой Тбилиси силой восстановить контроль над Южной Осетией. То обстоятельство, что США не оказали эффективной поддержки своему союзнику Грузии, было расценено в Пекине как недвусмысленное доказательство ослабления их мощи.

Одним из первых практических эпизодов, продемонстрировавших готовность Пекина действовать жестче, чем раньше, стал инцидент с американским судном акустической разведки «Импекабл» (“Impressable” — «Безупречный») в 75 милях к югу от Хайнаня. 9 марта 2009 г. китайская сторона силами пяти судов различной ведомственной принадлежности попыталась физически воспрепятствовать плаванию этого американского корабля в экономической зоне КНР. Ранее в ответ на аналогичную рутинную разведывательную деятельность судов США подобные действия не предпринимались.

Одной из «фоновых» причин инцидента стало различное толкование в Китае и США ряда положений Конвенции ООН по морскому праву. Как полагает китайская сторона, запрет конвенции на разведывательную деятельность в территориальных водах должен распространяться и на эксклюзивную экономическую зону. Американская сторона отстаивает принцип полной свободы мореплавания и ведения разведывательной деятельности в этой зоне. США выразили протест, охарактеризовав действия китайских судов в отношении американского судна как нарушение требований международного права о соблюдении прав и безопасности всех пользователей моря. Китайская сторона, в свою очередь, отвергла этот протест как «несостоятельный»²².

Вместе с тем, нельзя не увидеть прямой связи между временем инцидента и приходом к власти в США новой администрации во главе с Б. Обамой. По логике вещей китайское руководство было абсолютно не заинтересовано в каком-либо осложнении отношений с новой американской администрацией в период между только что состоявшимся визитом в Пекин госсекретаря Х. Клинтон (20–22 февраля) и намечавшейся на 1 апреля 2009 г. первой встречей Ху Цзиньтао с Б. Обамой на полях саммита «группы два-

дцати» в Лондоне. Поэтому некоторые американские политологи охарактеризовали инцидент с «Импекабл» как предпринятую без согласования с центром сугубо местную инициативу, ставшую, тем не менее, «индикатором агрессивной манеры поведения Китая, особенно в Южно-Китайском море»²³.

Китайские аналитики, в свою очередь, увязали инцидент со стремлением военных кругов в США напомнить Б. Обаме об усилении Китая на морях и в целом затруднить задуманное новым президентом «стратегическое сближение» с Пекином²⁴.

Похожее мнение, только с возложением ответственности на китайских моряков, высказал М. Чэйз из военно-морского колледжа в Ньюпорте. Он напомнил, что инцидент 9 марта не был изолированным эпизодом: до этого, 4 и 5 марта, китайские суда чинили помехи плаванию другого американского разведывательного корабля — «Викториоус» — в двухстах километрах от берега в Желтом море²⁵.

Формально инцидент с «Импекабл» был быстро урегулирован — то ли после вмешательства центрального китайского руководства, то ли после согласия Б. Обамы на отправку в акваторию ракетного эсминца для защиты разведывательного судна на время его плавания в регионе.

Однако на китайское и американское восприятие политики другой стороны в Восточной Азии данный эпизод определенное влияние оказал.

Серьезные метаморфозы претерпела в 2009–2010 гг. политика Пекина по отношению к КНДР.

К началу 2009 г. в Китае накопилось заметное раздражение по отношению к Пхеньяну, тормозившему возобновление шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова, в которых Пекин не без оснований претендовал на роль «первой скрипки». Издаваемый под эгидой МИД КНР журнал «Шицзе чжиши» («Знания о мире») констатировал, что благодаря «ловкому ведению дел» с администрацией Дж. Буша северо-корейская дипломатия, используя шесть лет шестисторонних переговоров, получила все желаемое: взорвала ядерный заряд, объявила КНДР ядерной страной, да к тому же получила значительную помощь нефтью с продовольствием... «Америка же в этот период лишь потеряла время и деньги, не получив ничего»²⁶.

Испытание Пхеньяном 5 апреля 2009 г. ракеты-носителя, будто бы выведшей на околоземную орбиту спутник связи, было расценено Советом Безопасности ООН как нарушение его резолюции № 1718 от 14 октября 2006 г. (в частности, требовавшей от КНДР не проводить новых ядерных испытаний или пусков баллистических ракет). В заявлении председателя Совета Безопасности содержалось требование к Пхеньяну не заниматься впредь запуском ракет. Северокорейская сторона отвергла его, заявила о выходе КНДР из шестисторонних переговоров и объявила о решении восстановить ядерные объекты, ранее выведенные из функционального состояния²⁷.

Китаю пришлось в срочном порядке определяться со своей позицией по КНДР — как относительно ее конкретных акций, так и в более долгосрочном стратегическом плане. В официальных и экспертных кругах развернулась серьезная дискуссия по этой проблеме, частично просочившаяся в СМИ. Наиболее критичная по отношению к КНДР позиция была сформулирована в статье Цай Цзяня, опубликованной в «Шицзе чжиши» 1 мая 2009 г.²⁸ В ней предельно четко указывалось, что «Китай не рассчитывает на превращение Северной Кореи в государство, обладающее ядерным оружием», поскольку иное нанесло бы серьезный ущерб коренным интересам КНР, создав существенные ограничения или даже угрозу для их реализации. Попытки КНДР создать ядерное оружие были осуждены как «крайне авантюрные» действия.

Кроме того, в статье содержался прозрачный намек на возможность снижения уровня отношений Пекина с Пхеньяном ради улучшения отношений Китая с США. Впервые, было отмечено, что «из всех проблем Корейского полуострова наибольшее совпадение позиций между Китаем и США наблюдается по его денуклеаризации». Во-

вторых, было заявлено, что «в долгосрочном плане проблема ядерной КНДР не является конфликтной проблемой в отношениях между нею и США. Это — проблема соотношения глобальной стратегии Китая и стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В связи с этим, делал вывод Цай Цзянь, особого внимания требует выстраивание баланса между китайско-северокорейскими и китайско-американскими отношениями.

Второе подземное ядерное испытание, проведенное Пхеньяном 25 мая 2009 г. (первое — в октябре 2006 г.), явно превысило пределы терпения Пекина, который присоединился к резолюции СБ ООН № 1874 от 12 июня 2009 г., строго осудившей данную акцию КНДР. При этом в период подготовки резолюции — 3 июня — ядерную проблему Кореи по телефону обсудили лидеры КНР и США²⁹.

По мнению американского эксперта из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Бонни Глэйзер, необычно резкая официальная реакция Пекина на ядерное испытание в КНДР объяснялась следующим обстоятельством: раньше в Китае полагали, что ядерная программа Пхеньяна выступает для него лишь средством размена на нормализацию отношений с США, однако после 25 мая стало ясно, что ядерный статус — это подлинная цель Пхеньяна³⁰.

В целом в июне — июле 2009 г. создавалось впечатление, особенно в США, что Китай как никогда близок к тому, чтобы присоединиться к «единому фронту» тотального давления на КНДР в составе США, Японии и Республики Корея. Этого, однако, не произошло. Китай перестал втягиваться в чужую игру с непредсказуемыми для него последствиями и постепенно реанимировал особые отношения с КНДР, сочтя их более эффективными для сохранения статус-кво на полуострове. Благо для этого были подходящие поводы — 60-летие установления дипломатических отношений и ранее сделанное объявление 2009 года «Годом дружбы КНР и КНДР».

В сентябре 2009 г. Пхеньян в статусе специального представителя Ху Цзиньтао посетил член Госсовета КНР Дай Бинго, а в октябре — премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, подтвердивший курс Пекина на сохранение традиционной дружбы и сотрудничества с КНДР.

Резко изменился тон публикаций о КНДР в китайской печати, включая «Шицзе чжиши». Теперь подчеркивалось, что внутренняя стабильность в стране является предпосылкой решения ядерной проблемы КНДР путем диалога, что она соответствует интересам всех соседних государств, которым адресовался призыв «не оказывать на Пхеньян чрезмерного давления». Отмечалась необходимость видеть ошибки не только северокорейской, но и американской стороны³¹.

Очевидное изменение собственной позиции в Китае объясняли стремлением помочь Пхеньяну выйти из международной изоляции, необходимостью обеспечить стабильность на Корейском полуострове и вернуть КНДР «на рельсы диалога о решении ядерной проблемы». Смягчение позиции Пекина по КНДР было, как признают китайские политики, критически воспринято частью международного общественного мнения³².

Вскоре «градус критичности» стал заметно расти. Резкое обострение межкорейских отношений в 2010 г., спровоцированное подрывом южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрелом северянами острова Ёнпхёндо, находящегося под юрисдикцией Сеула, обнажило принципиальное различие подходов Китая и Запада к КНДР и к путям урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Китай, руководствуясь собственными интересами, не поддержал возложение ответственности за случившееся исключительно на Пхеньян, активизировал политические контакты с ним и увеличил экономическое содействие КНДР. В связи с этим американские политики обвинили Пекин в ослаблении взаимодействия с Западом в деле урегулирования проблем Корейского полуострова³³.

Осложнились и отношения Китая с Японией, которые после ухода в отставку правительства Дз. Коидзуми развивались в целом в позитивном ключе: состоялся обмен визитами лидеров двух стран, были развернуты китайско-японские стратегический и

экономический диалог, наметилась активизация двусторонних контактов в оборонной сфере³⁴. Однако задержание 8 сентября 2010 г. японской стороной экипажа и арест капитана рыболовецкого судна КНР за «незаконный лов рыбы» в оспариваемом двумя странами районе островов Дяоюйдао (Сэнкаку) вызвали необычно резкую реакцию Пекина. Китай немедленно объявил об отсрочке переговоров об увеличении числа авиарейсов между двумя странами и о прекращении обменов визитами официальных лиц на уровне администрации провинций и выше. Вопрос с освобождением китайского капитана был решен только после того, как 21 сентября этого потребовал премьер Вэнь Цзябао, находившийся в Нью-Йорке и пригрозивший серьезными последствиями для японской стороны за ее незаконные действия. Одним из таких последствий стало прекращение Китаем экспорта в Японию редкоземельных элементов, используемых для производства широкой гаммы электронных изделий.

Как полагают китайские политологи, жесткое поведение обеих сторон свидетельствует об усилении конкуренции между Китаем и Японией за обеспечение своей безопасности на морях и за морские ресурсы. Особенно неприятным для Китая последствием инцидента стало укрепление американо-японского союза, существенно ухудшившее общую ситуацию с обеспечением безопасности в регионе³⁵.

В 2009–2010 гг. заметно обострились споры между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Филиппинами, Вьетнамом и отчасти Малайзией, по вопросу о суверенитете над островами, разграничении шельфа и водной акватории в Южно-Китайском море.

После одобрения в 2002 г. КНР, Филиппинами и Вьетнамом Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, зафиксировавшей ориентацию стран на решение спорных проблем путем мирных переговоров и их обязательство воздерживаться от угроз и враждебных действий, страсти вокруг этой чрезвычайно сложной проблемы на какое-то время улеглись

Ситуацию, однако, удалось «законсервировать» ненадолго. В связи с приближавшимся окончанием срока моратория на подачу заявок на участки шельфа вокруг островов, который был предусмотрен Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., в мае 2009 г. Вьетнам и Филиппины активизировали действия по закреплению де-факто своего суверенитета над островами, находящимися под их контролем. Дополнительную остроту ситуации придали данные геологоразведки о существенном потенциале нефтедобычи в районе Южно-Китайского моря.

2 февраля 2009 г. Палата представителей парламента Филиппин приняла закон «Об определении основной линии Филиппинского архипелага», в соответствии с которым группа островов архипелага Наньша (Спратли), именуемая Манилой «архипелаг Калайяан», оказывалась в пределах основной морской границы Филиппин. 10 марта закон был утвержден президентом Филиппин. 6 мая Вьетнам и Малайзия внесли в ООН совместный проект разграничения шельфа в Южно-Китайском море за пределами двухсотмильной эксклюзивной экономической зоны.

Постоянный представитель Китая в ООН на следующий день передал Генеральному секретарю организации Пан Ги Муну ноту с адресованным комиссии ООН по разграничению морского шельфа требованием не рассматривать проект Вьетнама и Малайзии³⁶. Тогда же, по свидетельству некоторых экспертов, в комиссию ООН была представлена известная китайская карта с U-образным абрисом морской границы Китая в Южно-Китайском море, оставлявшим за ним 80% акватории³⁷. 8 мая Вьетнам вновь подал в комиссию ООН прежний проект, на сей раз индивидуально. Последовал взаимный обмен протестами между Пекином и Ханоем.

«Масла в огонь» добавило заявление госсекретаря США Х. Клинтон о «возвращении США в Азию», сделанное 22 июля на острове Пхукет в Таиланде в ходе заседания Азиатского регионального форума. Обострение конфликта в Южно-Китайском море

создало «режим наибольшего благоприятствования» для вмешательства США в ситуацию под предлогом «защиты свободы мореплавания». Кроме того, США фактически открыто предложили странам АСЕАН, как претендовавшим на какие-либо острова Южно-Китайского моря, так и просто опасавшимся возросшей мощи и напористости Китая, активизацию связей с Вашингтоном, особенно в военной сфере, в качестве своеобразной страховки от рисков. «Хеджирование» на основе противодействия Китаю, которое всего несколько лет назад рассматривалось как чисто гипотетическое, с 2009 г. в регионе Южно-Китайского моря стало реальностью.

В 2010 г. ситуацию еще более обострили широко распространившиеся слухи о включении проблемы суверенитета над островами Южно-Китайского моря в перечень «коренных интересов Китая».

Некоторые зарубежные эксперты говорят об этом как о свершившемся факте³⁸, но это не совсем так. Вопрос активно обсуждался в КНР, причем на Интернет-форуме «Сильное государство» («Цянго лунтань») за такое включение высказалось свыше 90% принявших участие в соответствующем голосовании. Однако в прямой форме этого официально сделано не было. Тем не менее, как констатировали китайские политологи, «в конце 2010 г. поветрие включения вопроса о Южном мире в перечень коренных интересов нанесло ущерб и удар по образу Китая как ответственной державы»³⁹.

Пожалуй, именно конфронтация в Южно-Китайском море в наибольшей степени, по сравнению с другими конфликтами, усилила у части международного сообщества сомнения в желании окрепшего Китая сохранять и впредь приверженность политике добрососедства. Да и в целом повышенная напористость 2009–2010 гг. принесла Пекину мало дивидендов. Более того, международная среда существования Китая усложнилась.

Критически анализируя этот период внешней политики КНР постфактум, некоторые китайские политологи пришли к выводу, что переоценка мощи страны, наступательный стиль поведения в международных отношениях и рост националистических настроений ведут «к углублению недопонимания Китая внешним миром, негативно влияя на эффективность внешней политики и вредят его государственным интересам»⁴⁰.

С конца 2010 г. китайское руководство стало вносить заметные **коррективы во внешнеполитический курс**, призванные показать неизменную приверженность Пекина линии на сугубо мирное развитие, добрососедство, обоюдный выигрыш, решение любых спорных проблем путем диалога.

Одним из первых сигналов стала статья члена Госсовета КНР Дай Бинго, которая была размещена на сайте МИД КНР 6 декабря 2010 г., а затем опубликована во многих изданиях, в том числе за рубежом. Дай Бинго заверил потенциально огромную аудиторию своих читателей в отсутствии у КНР каких-либо тайных амбиций, скрытой повестки дня, намерений добиваться гегемонии, в ее приверженности пути мирного развития «в течение следующих ста и даже тысячи лет». Дай Бинго призвал мировое сообщество приветствовать мирное развитие Китая, а не бояться его, помогать ему и поддерживать его, а не пытаться подрывать и сдерживать соответствующие усилия КНР.

Одновременно международному сообществу было адресовано требование «понимать и уважать законные интересы и озабоченности Китая в ходе осуществления его мирного развития». Особо было подчеркнуто, что не может быть выбран такой путь развития, который наносил бы ущерб коренным национальным интересам. В их число Дай Бинго включил сохранение действующей политической системы (включая руководство КПК и социалистический путь развития), суверенитет, территориальную целостность, достижение национального единства и обеспечение основных гарантий устойчивого экономического развития⁴¹.

Основные идеи статьи Дай Бинго были закреплены и развиты в Белой книге Госсовета КНР «Мирное развитие Китая», датированной 6 сентября 2011 г. В специальном разделе Белой книги, характеризующем внешнюю политику Китая, ее целями

были провозглашены: содействие строительству гармоничного мира; следование самостоятельным курсом, базирующимся на пяти принципах мирного сосуществования; содействие новому подходу к обеспечению безопасности, основанному на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и координации; несение подобающей международной ответственности; ориентация на региональное сотрудничество и добрососедство. Как и в статье Дай Бинго, в заключительном разделе документа выражалась надежда, что международное сообщество поверит в искренность китайского народа и в его решимость следовать мирным путем развития и будет содействовать этому курсу, а не препятствовать ему⁴².

В китайских СМИ появились многочисленные публикации, доказывающие, что внешнеполитические заветы Дэн Сяопина, призывавшего Китай к осторожному, осмотрительному поведению в мировых делах, являются долгосрочным ориентиром для страны, а вовсе не какой-то вынужденной тактической уловкой, от которой пришла пора отказаться. Как подчеркнул известный китайский дипломат, бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, следование заветам Дэн Сяопина и, в частности, его ключевому призыву «не выставлять напоказ свои таланты» нацелено на то, чтобы и в перспективе сохранить Китаю возможности для развития и сотрудничества, не дать поломать этот курс.

У Цзяньминь подверг критике приверженцев перехода к более наступательным методам во внешней политике КНР, особенно при решении тех или иных споров с зарубежными странами. «Они, — подчеркнул У, — забыли, что эпоха изменилась, и тот, кто провоцирует войну, утратит симпатии, окажется в пассивном положении и изоляции»⁴³. Быстро меняющаяся международная обстановка, отметил президент Китайского общества народной дипломатии Ян Вэньчан, требует от Китая «хладнокровного наблюдения», только таким образом можно будет выявить реальные тенденции эпохи⁴⁴.

В КНР участились публикации статей дипломатов высшего звена, подробно разъясняющие современный внешнеполитический курс страны.

С конца 2010 г. для разъяснения приверженности Китая пути мирного развития в ведущие зарубежные государства были направлены группы высокопоставленных отставных китайских дипломатов, проводивших беседы и дискуссии с экспертами и официальными лицами США, Канады, России, Казахстана, Индии, Франции и т.д.

Определенные коррективы начали вноситься и в практику.

Был взят долгосрочный курс на утверждение в мире достойного, благоприятного образа Китая, «призванного отразить миролюбие страны, ее ответственность перед международным сообществом и приверженность общему развитию»⁴⁵. Реализация этой цели видится, прежде всего, в повышении привлекательности китайской культуры за рубежом и в укреплении международного культурного влияния Китая. В то же время, некоторые зарубежные эксперты считают самым слабым местом «мягкой силы» Китая не культурную сферу, а политические институты и дипломатию (в плане их позитивного восприятия в мире)⁴⁶. В данном контексте вполне естественно, что в КНР после увлечения в предшествующий период общей концепцией «мягкой силы» делают следующий шаг, начав углубленное осмысление концепции «умной», или «умелой» силы (smart power)⁴⁷.

Корректируемый **внешнеполитический курс КНР сохраняет глобальный характер**. По-прежнему заметное место в нем уделяется Африке, выступающей и «демонстрационной витриной» эффективности китайской помощи, и в качестве источника нефти, минерального сырья и дополнительных сельхозугодий, а также в связи с «арабской весной», непосредственно затронувшей, как минимум, экономические интересы Пекина. Глобальное измерение международной деятельности Китая проявляется также в его растущей активности в Арктике (на эту тему в КНР уже опубликованы первые монографии) и в Антарктике, хотя, по оценке западных политологов, «здесь Китай пока являет собой среднюю державу, обладающую устремлениями большой державы»⁴⁸.

Несмотря на регулярные контакты высших должностных лиц КНР с функционерами Европейского Союза и входящих в него стран, складывается ощущение некоторого снижения политической активности Пекина на европейском направлении. Это можно объяснить выжидательной позицией Китая в условиях незавершенности развития ситуации с европейским долговым кризисом. Играет свою роль и то обстоятельство, что Европейский Союз, добиваясь весомого содействия Китая в решении своих финансовых проблем, уклоняется от удовлетворения встречных запросов о признании КНР рыночной экономикой и отмене эмбарго на продажу ей военной техники.

В то же время в региональных направлениях внешней политики Пекина **усилилось приоритетное место прилегающих к Китаю государств** и субрегионов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Именно соседний пояс остается основной зоной проецирования и реализации государственных интересов КНР на международной арене, и именно здесь в наибольшей мере оказались сфокусированы разного рода трения и недопонимания, вызванные напористыми действиями Пекина в 2009–2010 гг. «Китай, — констатировали в начале 2012 г. китайские СМИ, — должен, прежде всего, наладить отношения с соседями»⁴⁹.

Наметилось улучшение отношений с Японией. Состоялся визит в КНР нового премьер-министра Японии Есихико Нода, достигнута договоренность об использовании национальных валют во взаимной торговле и инновационных сделках, возобновлены усилия по углублению экономической интеграции в «треугольнике» Китай — Япония — Республика Корея. Президент последней Ли Мен Бак также посетил КНР, положив конец определенному охлаждению политических отношений двух стран из-за различий в оценке причин напряженности на Корейском полуострове.

Политическая и экономическая поддержка Китая способствовала сохранению стабильности в КНДР после внезапной кончины Ким Чен Ира. Пекин прилагает активные усилия по возобновлению шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Предприняты шаги по «ремонту» отношений с Индией, в которых в 2009–2010 гг. явно накапливалась скрытая напряженность, порожденная взаимными подозрениями двух держав по поводу неких попыток «окружить» друг друга и неуступчивостью в решении пограничной проблемы⁵⁰. В сентябре 2011 г. в Пекине был проведен первый раунд китайско-индийского стратегического экономического диалога. 17 января 2012 г. в Дели подписано двустороннее межправительственное соглашение о создании консультативно-координационного механизма по делам пограничных территорий. Оно нацелено на укрепление сотрудничества Китая и Индии в обеспечении мира и спокойствия на приграничных территориях двух стран.

Несколько по иному развивалась ситуация в Южно-Китайском море. До середины 2011 г. Китай продолжал наращивать здесь давление. 26 мая три китайских корабля заблокировали принадлежавшее вьетнамской государственной нефтегазовой компании судно «Биньминь 02», которое «вело сейсмическую разведку на континентальном шельфе и в эксклюзивной экономической зоне Вьетнама». Подводный кабель вьетнамского судна был перерезан, чего, как утверждали в Ханое, нельзя сделать без специального оборудования⁵¹. Однако поскольку ни Пекин, ни Ханой не были заинтересованы в нагнетании страстей и ухудшении двусторонних отношений, в октябре 2011 г. в ходе визита в КНР лидера компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга сторонам удалось достичь компромисса и выйти на подписание «Соглашения о базисных руководящих принципах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ». В нем Китай и Вьетнам обязались гарантировать мир и стабильность в Южно-Китайском море до окончательного решения спорных проблем и не предпринимать действий, способных осложнить ситуацию⁵².

По-другому сложился спор Китая с Филиппинами. В конце августа 2011 г. в ходе визита в КНР президента Бенigno Акино стороны обменялись мнениями о конфликте в

Южно-Китайском море, но к сближению позиций не пришли, согласившись лишь, что данный конфликт не должен сказываться на «более широкой картине дружбы и сотрудничества между двумя странами»⁵³. Однако уже вскоре активное участие Филиппин в военных маневрах с США, призывы Манилы к странам АСЕАН организовать общий фронт противодействия Китаю и настойчивая дефиниция прилегающей с запада к архипелагу части акватории как «Западно-Филиппинского моря» вызвали в Пекине сильное раздражение, за которым последовал призыв «наказать Филиппины», причем достаточно сильно, чтобы «отбить у некоторых наций охоту присоединяться к США для сдерживания Китая»⁵⁴.

В разгар споров с Филиппинами и накануне Восточно-Азиатского саммита, в повестку дня которого США пытались продвинуть обсуждение ситуации в Южно-Китайском море, Министерство иностранных дел КНР обнародовало Белую книгу о результатах сотрудничества Китая с АСЕАН в период 1991–2011 гг. Главная цель документа состояла в том, чтобы, показав широкую панораму и высокую динамику развития двустороннего сотрудничества в самых разных сферах в предшествующее двадцатилетие, уверить государства региона в стремлении Китая всегда быть их «хорошим другом, хорошим соседом и хорошим партнером»⁵⁵. В параллельных материалах ведущих китайских СМИ выражалась надежда, что «большинство членов АСЕАН не попадет в ловушку споров о Южно-Китайском море, которые должны быть решены через двусторонние диалоги заинтересованных стран»⁵⁶.

К началу 2012 г. напряжение в зоне Южно-Китайского моря несколько спало. 14 января 2012 г. в Пекине прошло совещание Китая и стран АСЕАН о реализации «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море» в контексте отмечаемого в этом году десятилетия со времени ее принятия. На совещании была зафиксирована заинтересованность вовлеченных стран «в продвижении делового сотрудничества» и «обеспечении мира и стабильности» в этой акватории⁵⁷.

Разумеется, споры по Южно-Китайскому морю лишь несколько приутихли, но не прекратились. Принимая во внимание серьезные сложности с продвижением максималистской позиции Китая и отсутствие достаточной поддержки ее в международном сообществе, китайские эксперты начали прорабатывать резервные варианты. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша (Парасельскими и Спратли), сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем⁵⁸. 29 февраля 2012 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что «никакая страна, включая Китай, не требует установления своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем».

Впрочем, в Китае раздаются и единичные радикальные призывы — «не ставить под угрозу дело возрождения страны, пойдя на неадекватное поведение в Южно-Китайском море». По мнению полковника Цяо Ляна, потенциальные выгоды Китая от полного контроля за Южно-Китайским морем несопоставимо меньше, чем выигрыш для дела модернизации, уже полученный им от сотрудничества с внешним миром. В целом, полагает он, «возвышение Китая требует стратегической мудрости и стратегического терпения»⁵⁹.

В двусторонних отношениях Китая с отдельными странами усилился приоритетный характер **отношений с США**. Одна из главных целей нынешней корректировки внешнеполитического курса Пекина состоит в том, чтобы снизить антикитайскую направленность международной политики Вашингтона в целом и особенно декларированной им стратегии «возвращения в Азию», улучшив тем самым общую внешнюю среду развития КНР.

По свидетельству известного американского политолога-китаевода Д. Шамбо, на ежегодной конференции Китайского общества международных отношений в Ланьчжоу в

2010 г. на первое место была поставлена рекомендация «не вступать в конфронтацию с Америкой»⁶⁰.

Значительно скромнее стало оцениваться соотношение сил двух стран. Как констатировал директор Департамента планирования МИД КНР Лэ Юйчэн, «в ближайшие 20–30 лет никто не сможет стать равным соперником США»⁶¹.

Оптимальный для Китая вариант отношений с США нашел отражение в Совместном китайско-американском заявлении, подписанном 19 января 2011 г. в ходе официального визита Ху Цзиньтао в Америку. Основополагающее значение для позитивного развития двусторонних связей призвано иметь положение о том, что «США... приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, играющий большую роль в мировых делах. Китай приветствует Соединенные Штаты как Азиатско-Тихоокеанскую нацию, вносящую вклад в мир, стабильность и процветание региона». Была декларирована приверженность Китая и США строительству «партнерства, основанного на взаимном уважении и обоюдном выигрыше»⁶².

Примерно с этого момента в китайском подходе к США возникает своего рода раздвоение: на официальном уровне доминирует чрезвычайно осторожная позиция, отношения с Вашингтоном неизменно характеризуются как «в основном хорошие», «здоровые». В то же время, в экспертном сообществе нередко высказывались весьма жесткие оценки политики США, особенно их «возвращения в Азию» и присоединения к Транстихоокеанскому партнерству.

Лишь на рубеже 2011–2012 гг. официальные и экспертные оценки сблизилась, возможно, в преддверии визита в США Си Цзиньпина, который состоялся в феврале 2012 г. Так, директор Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн на годичной конференции по итогам внешней политики Китая в 2011 г. признал, что перемещение стратегического центра тяжести глобальной политики США в АТР «не полностью обусловлено Китаем и направлено против него»⁶³. Именно такую точку зрения отстаивают американские эксперты, без устали напоминающие, что растущую важность Азии и АТР для национальных интересов США подчеркивали все четыре последних президента страны, начиная с Дж. Буша-старшего, и этот курс не был порожден возвышением Китая⁶⁴.

В любом случае, однако, процесс взаимной адаптации, поиска устраивающего и Китай, и США формата отношений на обозримую перспективу еще далеко не завершен.

Отношения с **Россией** сохраняют для Китая первостепенное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, поскольку стратегическое партнерство и равноправное взаимодействие с ней, скрепленное двусторонним Договором 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, служит гарантией от каких бы то ни было попыток окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»⁶⁵.

Вето, дважды налагавшееся Китаем и Россией при голосовании в Совете Безопасности ООН по односторонним, несбалансированным проектам резолюций по Сирии, свидетельствует о сходстве самой философии видения Пекином и Москвой особенностей современной международной жизни.

Весьма динамично в 2011 г. росла двусторонняя торговля, объем которой достиг 79,25 млрд долл. по данным китайской таможенной статистики и 83,5 млрд долл. по данным российской таможни.

Разумеется, существенное повышение роли и общая активизация Китая в мировой политике и экономике ставят перед Россией новые проблемы и задачи — как в двустороннем сотрудничестве, так и во взаимодействии в различных форматах и сферах на международной арене. Однако при наличии общего настроения Москвы и Пекина на даль-

нейшее углубление равноправного партнерства и стратегического взаимодействия все они, безусловно, решаемы. Возможно, главное здесь — последовательно углублять взаимное доверие, формировать у населения, экспертного сообщества, бизнеса, политической элиты России и Китая устойчиво позитивный образ страны-партнера.

* * *

Дискуссии относительно новых моментов во внешней политике КНР и вариантов ее дальнейшей эволюции продолжают и в самой стране, и в остальном мире. Можно предположить, что своего рода черту под ними на какое-то время подведет внешнеполитическая платформа XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая, намеченного на осень 2012 г.

1. A Special report on China's place in the World. "Less bidding and hiding: China is becoming more nationalistic and more assertive"; "The Danger of Rising China: China and America are bound to be rivals, but they do not have to be antagonists" // *Economist*. 2010. 2 Dec.
2. *Shambaugh D.* Coping with a Conflicted China // *The Washington Quarterly*. 2011. Vol. 34, No. 1, Winter. P. 7.
3. См., например: *Christensen Th.* The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy // *Foreign Affairs*. 2011. March—April; *Bisley N.* Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region // *Global Asia*. Seoul, 2011. Vol. 6, No. 4, Winter.
4. Мао Чжунгэнь, Хун Тао. Цун шэньчань даго дао сяофэй даго: сянь чжуан, цзичжи юй чжэнцэ [От державы производящей к державе потребляющей: современное состояние, механизм и политика] // Синьхуа вэньчжай. Пекин, 2011, № 19. С. 54.
5. *Economist*. London., 2011. 31 Dec. Со ссылкой на исследование Pew Research Center.
6. Мао Чжунгэнь, Хун Тао. Указ. соч. С. 53.
7. Лишисин тупо: Чжунго шоуцы цзедин хэсинь гоцзя лии [Исторический прорыв: Китай впервые определил коренные государственные интересы] // Шицзе чжиши. Пекин, 2011. № 19. С. 20.
8. Расчеты по данным Международного валютного фонда позволяют оценить вклад прироста ВВП в Китае в прирост мирового валового продукта (в долларах США, в текущих ценах) за три последних года (2009–2011 гг.) в 19,7%.
9. Чэнь Юэ. Даньцянь Чжунго вайцзяо дэ синь цзоусян хэ синь тэдянь [Новые ориентиры и особенности китайской внешней политики в настоящее время]. // Чжунго вайцзяо. Пекин, 2011, № 10. С. 4. Первоначально статья опубликована в журн. «Цилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао» (Чанчунь. 2011. № 3. С. 25–29).
10. Ляован. Пекин, 2011. № 37. С. 27.
11. Чэнь Юэ. Указ. соч. С. 4.
12. Ян Цземянь. Лунь «сыши цюньти» хэ гоцзи лилян чунцу дэ шидай тэдянь [Размышления о «четырёх группах» и современных особенностях реструктуризации международных сил]. // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. Пекин, 2010. № 3. С. 4, 11–12.
13. Чжунго цзай сяндан чан шици нэй жэн цзян ши фажаньчжун гоцзя [Китай в течение сравнительно длинного периода времени по-прежнему останется развивающимся государством]. // Цюши. Пекин, 2010. № 12. С. 42–44.
14. См.: *Е Цзычэн*. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: Даго вайцзяо цзин шоу каоянь дэ и нянь [Внешняя политика Китая 2011: год испытаний для дипломатии державы]. // Цзюйлуь шан дэ Чжунго — данцянь гоцзи гоней чжундэ синши фэньси: 2010–2011 няньду баогао [Китай у колеса истории — макроанализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010–2011 гг.] / Цинь Чаоинь (гл. ред.). Пекин: Чжунго фажань чубаньшэ, 2011. С. 109–111.
15. Чэнь Юэ. Указ.соч. С. 5.
16. См.: *Бергер Я.* Эволюция геополитических взглядов в Китае // Пробл. Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 23–37; *Shambaugh. D.* Coping With a Conflicted China // *The Washington Quarterly*. 2011. Winter. P. 7–27.
17. Взгляды Ван Сяодуна подробно изложены в ст.: Габуев А. Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна // Пробл. Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 78–95.

18. Как отметила Линда Якобсен в работе «Новые акторы во внешней политике Китая», во многих интервью западных ученых с экспертами и официальными лицами КНР «сетевиками» (netizens), т.е. люди, высказывающие свое мнение или участвующие в дискуссиях в Интернете, были охарактеризованы как «новая группа давления, оказывающая косвенное, но все более ощутимое влияние на формулирование внешней политики» (*Jakobson L., Knox D. New Foreign Policy Actors in China // SIPRI Policy Paper. Stockholm, 2010. № 26, Sept. P. 44.* Л. Якобсен в течение ряда лет представляла в Пекине Стокгольмский международный институт исследования проблем мира).
19. Юань Кунь. Чжунго бе у сюаньцзэ [У Китая нет другого выбора, кроме]. Пекин: Чжунъян бяньцзэ чубаньшэ, 2010. Для более точного понимания заголовка он приведен на обложке книги и в англоязычном варианте: «China has no alternative but...»
20. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фууй [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 30.
21. *Shambaugh D. Coping with a Conflicted China. P. 24/*
22. [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23))
23. *McVadon E. The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea // China Security. Washington, 2009. Vol. 5, No. 2. P. 3–17. Цитата — P. 7.*
24. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая 2010]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2010. С. 261.
25. *Chase M. Chinese Suspicion and US Intentions // Survival. Washington, 2011. Vol. 53, No. 3, June—July. P. 133–150.*
26. Чжан Ляньюй. Чаосянь баньдао чуюй «чжаньчжэн бяньюань»? [Корейский полуостров: «на грани войны»?] // Шицзе чжиши. Пекин, 2009. № 5. С. 14–23. Цитата — С. 23.
27. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 277.
28. Цай Цзянь. Чао гай вэйцзи цзайци Чжунго жухэ индуй [Новое обострение ядерного кризиса в Северной Корее. Как должен противодействовать ему Китай] // Шицзе чжиши. Пекин, 2009. № 9. С. 27–29.
29. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 277, 281.
30. *Glaser B. China's Policy in the Wake of the Second DRPK Nuclear Test // China Security. 2009. Vol. 5, No. 2. P. 39–40.*
31. Юй Шаохау. Чао гай вэньти: чулу цзай нали? [Ядерная проблема КНДР: где выход?] // Шицзе чжиши. 2009. № 18. С. 30–31.
32. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 283.
33. Конкретный перечень претензий к китайской политике в отношении КНДР в 2010 г. дан в статье Т. Кристинсена «The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy» (Foreign Affairs. 2011, March—April. Российскую версию событий см.: Жебин А. Корейский полуостров: у опасной черты // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 123–134.
34. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 268–272.
35. 2011 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая 2011]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 231–236.
36. Чжунго гоцзи дивэй баогао. 2010. С. 287–289.
37. См.: *Лексютин Я.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 34.
38. Ник Бисли ссылается на некое китайское официальное лицо, заявившее в частной беседе с Х. Клинтон в марте 2010 г., что Китай отныне рассматривает утверждение своих прав в Южно-Китайском море как «коренной интерес», то есть стратегический приоритет высшего порядка (*Bisley N. Op. cit.*).
39. *Е Цзычэн. Указ. соч. С. 97.* В КНР Южно-Китайское море называется «Южное море».
40. Там же. С. 118–119.
41. *Dai Bingguo. We must stick to the path of peaceful development // Foreign Affairs Journal. Chinese People's Institute of Foreign Affairs. Beijing, 2011. Spring. P. 1–16.*
42. Чжунго дэ хэпин фачжань. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань синьвэнь баньгунши. 2011 нянь 9 юэ [Мирное развитие Китая. Канцелярия информации Государственного совета Китайской Народной Республики. Сент. 2011 г.] // *Beijing Review. 2011. № 37, 15 Sep.*
43. *У Цзяньминь.* Цзайлай и гэ хуаньцзин шинянь [Следующие десять лет международной обстановки] // Чжунго вайцзю. 2011. № 9. С. 3–5.

44. *Yang Wenchang*. Diplomatic words of wisdom // *China Daily*. 2011. 29 Oct.
45. Ян Цзечи тань 2011 нянь Чжунго вайцзяо. Чжаньшэн тяочжань вэйху гоцзя лии [Ян Цзечи рассказывает о внешней политике Китая в 2011 г. Победить вызовы, защитить интересы государства. URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html> от 02.01.2012.
46. См.: *Holyk G*. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // *Political Science Quarterly*. New York, 2011. Vol. 126, № 2. P. 223–254.
47. Концепция «умной силы» (smart power, по-китайски «цяо шили», что ближе к «умелой силе») была выдвинута Сюзан Носсель в 2004 г. в публикации в журнале «Foreign Affairs».
48. *Brady A*. China's Rise in Antarctica? // *Asian Survey*. Berkeley, 2010. Vol. 50, № 4, July—Aug. P. 759–785. Здесь — P. 781.
49. Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.
50. Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай в 2008 г. стороны впервые обменялись своими проектами возможного рамочного соглашения, включавшими территориальные уступки как путь к постепенному решению пограничного спора. Однако ничего нового они практически не содержали, «стороны оказались неспособны освободиться от взаимных подозрений» (*Jacob Jabin*. The Sino—Indian Boundary Dispute: Sub—National Units as Ice — Breakers // *Eurasia Border Review* / Slavic Research Center at Hokkaido University. 2011. Vol. 2, № 1. Summer. P. 35–45. Здесь P. 37–38).
51. China Violates Sovereignty // *Viet Nam News*. Hanoi, 2011. 30 May.
52. Китайско-вьетнамское совместное заявление: Китай и Вьетнам заявили о намерении должным образом разрешить все морские вопросы. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7618050.html>.
53. Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011 // *Beijing Review*. 2011. 22 Sept.
54. Philippines walking a very fine line. Editorial // *Global Times*. Beijing, 2011. 17 Nov.
55. China — ASEAN Cooperation: 1991–2011 // *China Daily*. 2011. 16 Nov.
56. *Liu Weidong*. East Asia Summit Agenda // *China Daily*. 2011. 16 Nov.
57. <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.
58. Такое предложение, поданное как «норвежская идея», содержится в докладе Ли Гана — сотрудника Института мирового развития Центра исследования проблем развития Госсовета КНР (Чжунго цзай цзецзюэ Наньхай вэньтишан сомяньлинь дэ тяочжань [Китай в процессе разрешения вызовов, связанных с проблемой споров по Южному морю] // *World Development Working Paper Serie*. Beijing, 2011. Aug. Вместе с тем, идею «держаться за острова, пойдя на уступки по вопросам использования морской акватории», озвучил и Хуан Гуифан — китайский участник конференции по проблемам сотрудничества РФ и КНР в БРИКС и АТР (Москва, 1–2 дек. 2011 г.).
59. См.: Фэнхуан чжоукань. Шэньчжэнь, 2011. № 30. С. 68–71. Еженедельник «Фэнхуан» («Феникс») считается принадлежащим гонконгскому капиталу. Издается в Шэньчжэне, иногда продается в пекинских газетных киосках.
60. *Shambaugh D*. Op. cit. P. 19–20.
61. *Лэ Юйчэн*. Дуй гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо дэ исе каньфа юй сыкао [Некоторые взгляды и размышления о международной обстановке и дипломатии Китая] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 5. С. 3–8.
62. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/US-China-joint-statement>.
63. Китайские эксперты: следующий год станет ключевым для китайско-американских отношений, требующим надлежащего реагирования сторон. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>.
64. *Cossa R*, *Glosserman B*. Return to Asia: It's Not (All) About China // *PacNet*. 2012. № 7. 30 Jan. Pacific Forum CSIS, Honolulu. URL: www.pacforum.org.
65. <http://www.mid.ru>, 2012. 4 февр.